

БЫТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ЭМОЦИИ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ ЛЕНИНГРАДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ*

А. А. Амосова

Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 30 августа 2021 г.

Аннотация: *представлены результаты исследования повседневной жизни представителей государственной элиты СССР второй половины 1940-х гг. с точки зрения истории эмоций – научного направления, находящегося на стыке истории и психологии. Основное внимание уделено вехам биографий председателей Ленинградского городского и областного руководства. Обращение исторической науки к исследованию эмоциональных стандартов позволяет предложить новое прочтение исторических фактов, а также выявить характерные черты внутрисемейной коммуникации в эпоху позднего сталинизма. Вследствие растянувшегося на десятилетия процесса реабилитации жертв «Ленинградского дела», в научной литературе не сложилось подходов к оценке их нормативной повседневности в указанный период. Исследование базируется на комплексе делопроизводственных материалов, материалов устной истории и эго-документов.*

Ключевые слова: *советская элита, поздний сталинизм, история эмоций, повседневность, Ленинградский городской совет депутатов трудящихся, Ленинградский областной совет депутатов трудящихся, «Ленинградское дело».*

Abstract: *the article presents a study of daily life of the state elite in USSR in the late 1940-ies. The research was carried on the base of the history of emotions. The main attention is paid to the biographies of the chairmen of the Leningrad city and regional leadership. The study of emotional standards allows us to offer a new interpretation of historical facts, as well as to reveal the characteristic features of family communication in the era of late Stalinism. The study is based on a set of office materials, oral history materials and ego-documents.*

Key words: *Soviet elite, late Stalinism, history of emotions, daily life; Leningrad City Council of Workers Deputies, Leningrad Regional Council of Workers Deputies, «The Leningrad Affair».*

Исследования по социальной истории СССР в настоящее время сохраняют высокую актуальность. Это объясняется стремлением лучше понять и изучить противоречивый опыт советского государства, а также несколько сместившимся вектором развития научных исследований в сторону большего внимания к способу существования отдельного человека или социальной группы в истории.

Целью данной статьи является презентация результатов исследования нормативной бытовой повседневной жизни, а также эмоций представителей государственной элиты во второй половине 1940-х гг. Основное внимание уделено вехам биографий председателей Ленинградского городского и областного руководства за указанный период.

Изучение повседневности предполагает выявление и рассмотрение регулярно повторяющихся явлений и процессов, тяготеющих к стабильности, вошедших в привычный уклад жизни, а также чувств, питаемых к ближнему окружению. Осмысление экстремальной повседневности осуществляется в результате исследования неблагоприятных периодов в судьбе исторической личности, социальной группы, а также преобладающих эмоций, которые становятся реакцией на переживаемые чрезвычайные обстоятельства. Повседневность принято разделять на две крупные сферы: бытовую и служебную. Быт представляет собой материально-предметную основу жизни человека и предполагает изучение условий проживания, особенностей питания, способов проведения досуга.

Исследование эмоций реализуется с точки зрения эмоциологии – научного направления, находящегося на стыке истории и психологии. Обращение исторической науки к исследованию эмоциональных стандартов позволяет предложить новое прочтение

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-00060, название: «Нормативная и экстремальная повседневность советской элиты с точки зрения истории эмоций в 1945–1956 гг.».

© Амосова А. А., 2021

исторических фактов, а также выявить характерные черты внутрисемейной коммуникации в эпоху позднего сталинизма. Определение ценностных приоритетов и доминант исследуемой социальной группы представляло дополнительный интерес.

Из проблемного поля умышленно было исключено рассмотрение экстремальной повседневности указанной социальной группы, так как эта тема заслуживает особого внимания. Как известно, члены семей, о которых речь будет идти ниже, на себе испытали репрессии по «Ленинградскому делу». Жены, дети, пожилые родители отбывали наказание как родственники «врагов народа», а главы семей, за исключением Андрея Алексеевича Кузнецова и Ивана Дмитриевича Дмитриева, были расстреляны.

Историография и исторические источники

Англо-американские историки задолго до отечественных стали обращаться к рассмотрению социально-политических аспектов советской истории периода 1940-х – начала 1950-х гг. [1–3]. В этих работах ощутимо идеологическое влияние периода холодной войны. Тем не менее они основаны на широком круге источников и предлагают читателю стройную методику исследования, основанного на концептуальном подходе.

С конца 1980-х гг. в отечественной научной традиции отдельные сюжеты, связанные с личной жизнью руководящих работников, нашли освещение в рамках публикаций по «Ленинградскому делу» [4–14]. Однако основной вектор исследований в тот период был направлен в сторону изучения возможных причин политических репрессий.

После 1991 г. были опубликованы работы, посвященные номенклатуре как отдельной социальной группе, с акцентом на политические аспекты ее деятельности [15–18]. Увидели свет биоэроники и тематические словари, содержащие краткую информацию о ленинградском руководстве [19]. Современное осмысление политической истории города на Неве в период позднего сталинизма с учетом новых исторических источников нашло отражение в работах целого ряда российских исследователей [20–25].

С конца XX в. востребованной научной тематикой становится изучение повседневности советских граждан. В серии научных работ российских авторов освещены вопросы нормативного и отклоняющегося поведения, внебрачных и семейных отношений, специфика городского быта, питание, мода [26–29]. Актуальные зарубежные исследования, посвященные советской эпохе, сфокусированы на изучении социально-политических практик функционирования государственной системы послевоенного периода [30], вопросов бытовой повседневности [31], гендерной проблематике [32; 33].

Новейшей тенденцией в вопросе осмысления повседневности советской и партийной элиты изучаемого периода стала попытка трактовать репрессии в их отношении как правомерные по причине имевших место фактов превышения служебных полномочий в сфере экономической деятельности в военный и послевоенный периоды [34; 35]. Существенным вкладом в изучение вопросов экстремальной повседневности в условиях репрессий по «Ленинградскому делу» стали публикации А. П. Смирнова [36].

Основными источниками исторического изучения эмоций принято считать так называемые эго-документы¹. Однако сегодня история эмоций апеллирует к разным видам исторических источников. По этой причине в дополнение к материалам устной истории, воспоминаниям, автобиографиям, письмам, фотодокументам были использованы делопроизводственные документы из архивов Санкт-Петербурга и Москвы.

Воспоминания родственников живо передают эмоциональную составляющую частной жизни, но нередко содержат лишь односторонне положительные оценки своих близких. Официальные характеристики из личных архивных дел используют стилистические клише, не способствующие истинному пониманию личности. Одним из самых неоднозначных источников, использованных в работе, стали материалы Комитета партийного контроля (далее – КПК), аккумулированные в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ) за 1949–1952 гг. В них представлены компрометирующие данные из анонимных доносов, объяснительных записок и других материалов, собранных в процессе фабрикации «Ленинградского дела». Следует учитывать, что штат комитета не был достаточно велик для того, чтобы расследовать каждый подозрительный сюжет из жизни тех, кто попал под подозрение, а «поток поступающих в КПК заявлений рос из года в год, достигнув максимума в 1950 г.: тогда поступило суммарно 20 346 писем» [23, с. 26]. По сложившейся практике подходящие «факты» могли не подвергаться дополнительной проверке. Следует обратить внимание и на стилистическую подачу информации, в результате чего социальная норма (например, устоявшаяся в СССР практика выдвигания на должность, организация банкетов по случаю торжественных мероприятий) преподносилась как преступление («пьянствовал», «протаскавал подхалимов» [37, л. 37] и т. д.). По вышеуказанным причинам только комплексный подход в трактовке

¹ Эго-документ с латинского и английского языков может переводиться как «я свидетельствую», «я документирую»; указывает на группу источников, особенностью которых является их выраженный личный характер (например, письма, воспоминания).

исторических источников, верификация данных позволяют говорить о реальной картине жизни советского руководства Ленинграда во второй половине 1940-х гг.

Семейный статус

С приходом к власти И. В. Сталина модель гендерного поведения советского гражданина (после большевистских экспериментов 1910-х – начала 1920-х гг.) вновь начала тяготеть к идеалам дореволюционной морали: вступление в моногамные отношения с целью рождения потомства, верность в браке, освобождение от страстей и эротики. Более того, «контрреволюционность и сексуальная несдержанность, ... считались тесно связанными» [38, с. 23].

Однако не все было так однозначно: на законодательном уровне семья не признавалась в качестве безусловного приоритета в жизни советского человека, первостепенное значение придавалось трудовой деятельности, причем не только мужчин, но и женщин. В 1930-е гг. образ женщины-работницы, стачановки пропагандировался как образцовый. Далеко не все пары вступали в зарегистрированные браки, так как Кодекс законов о браке и семье 1926 г. уравнивал их и незарегистрированные.

В согласии с общественными нормами, но с рядом существенных исключений строилась семейная жизнь партийно-хозяйственной номенклатуры. Многие представители ленинградского городского и областного руководства встретили своих невест на малой родине еще до выдвижения на ответственную работу в Ленинграде. Этот факт может рассматриваться как стремление к стабильности, предсказуемости и комфорту, а также частично объясняться скрытыми комплексами: провинциальным происхождением, недостатком образования, эрудиции, усложнявшими поиск будущей супруги в «культурной столице».

Олимпиада Михайловна Суздальцева, как и ее супруг П. С. Попков², была уроженкой Владимирской губернии. Она родилась в 1911 г. в семье рабочего-артельщика на железной дороге, мать занималась домашним хозяйством [39, л. 3 об. – 4]. Девушка окончила Ленинградский институт железнодорожного транспорта (совр. – Петербургский университет путей сообщения), где продолжила работать счетоводом [там же, л. 2]. О. М. Суздальцева имела привлекательную внешность, а в человеческом отношении ее характер отличали строгость и педантизм, но эти

черты она редко проявляла в отношениях с мужем, супруги хорошо друг с другом ладили [40].

В 1939 г. в семье Попковых родился сын Андрей. По некоторым свидетельствам, у Олимпиады Михайловны был еще один – старший сын, который умер в младенчестве [там же]. Указанные выше черты личности, страх потерять единственного сына негативно отразились на его воспитании: «Андрюшу Попкова очень опекали, его в школу не водили, он учился дома» [41] (рис. 1).

Рис. 1. П. С. Попков с сыном. 1940-е гг. Ленинград. (ЦГАКФФД СПб. Ар100534)

Индивидуальное домашнее обучение являлось в те годы исключительной привилегией, но ребенок ею тяготился, страдая от внутреннего одиночества и отсутствия регулярного общения со сверстниками. Тяжелым испытанием для Андрея стало пребывание в детском доме, в который он попал в ходе «Ленинградского дела». Повзрослев, А. П. Попков свел к минимуму общение с матерью. Даже хоронили «тетю Липу» в 1996 г. чужие люди – Э. И. Харитонов³ и ее супруг.

² Петр Сергеевич Попков (1903–1950) – в 1939–1946 гг. занимал пост председателя Ленинградского городского исполнительного комитета депутатов трудящихся; в 1946–1949 гг. – первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). Расстрелян по «Ленинградскому делу» 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

³ Элла Ильинична Харитоновна – дочь И. С. Харитонова, в 1946–1948 гг. председателя Леноблисполкома, который был расстрелян 28 октября 1950 г.; реабилитирован.

Из родной Костромской губернии (совр. – Костромской области) в Ленинград перевез свою жену, Татаринцеву Веру Андреевну, Н. В. Соловьев⁴. Она родилась в 1908 г. в г. Ветлуга. В 1929 г. на свет появилась их дочь Ирина, бойкая и общительная по характеру, а в 1931 г. – более тихая и замкнутая Клара. Во второй половине 1930-х гг. В. А. Татаринцева трудилась в Институте им. Молотова (совр. – Высшая школа технологии и энергетики СПбГУПТД) лаборантом [42, л. 6]. Затем обучалась в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского (совр. – РГПУ им. А. И. Герцена), работала учительницей начальных классов [43, с. 143].

Уроженкой Тверской губернии, деревни Вельшино, была супруга И. С. Харитоновна – Ольга Семеновна Александрова [там же, с. 144]. В селе Иверском той же губернии родился и сам будущий председатель Леноблисполкома. Молодые люди, очевидно, познакомились во время учебы в Твери, где Илья Харитонов учился на рабфаке в 1923–1926 гг. [44, л. 20 об.], а Ольга училась в педагогическом техникуме и работала учительницей начальных классов. В 1932 г. у пары родилась дочь Элла. По ее воспоминаниям, родители «очень дружно жили, папа маму очень любил, я не помню противоречий между ними» [40] (рис. 2).

Рис. 2. И. С. Харитонов и О. С. Харитоновна (Александрова). Фото из семейного архива Э. И. Харитоновой

⁴ Николай Васильевич Соловьев (1903–1950) – в 1938–1946 гг. – председатель исполкома Ленинградского областного совета депутатов трудящихся; в 1946–1949 гг. – первый секретарь Крымского обкома ВКП(б). Осужден 27 октября 1950 г. к высшей мере наказания. Реабилитирован.

П. Г. Лазутин⁵ познакомился с Зинаидой Ивановной Токаревой (Лазутиной) во время учебы в Ленинграде. Она родилась в 1912 г. в селе Поведкино Тульской губернии в крестьянской семье [45, л. 5 об.]. Вместе с родительской семьей она переехала в Москву. Однако в скором времени ее перевели на учебу в Институт холодильной промышленности в Ленинград, где она обучалась по специальности инженер-электромеханик холодильной промышленности [41]. В Ленинграде она и встретила будущего мужа – студента механического факультета того же вуза Петра Лазутина. В 1934 г. она успешно окончила институт и стала работать инженером на кондитерской фабрике им. Н. К. Крупской [43, с. 125]. Петр и Зинаида жили гармонично и бесконфликтно, однако в соответствии с социальными практиками своего времени их брак не был зарегистрирован официально [41] (рис. 3).

Рис. 3. П. Г. Лазутин и З. И. Токарева (Лазутина). Фото из семейного архива Н. П. Сивцовой-Лазутиной (дочери)

В 1938 г. в молодой семье родилась дочь Наталья, а через три года – сын, который скончался в младенческом возрасте [там же]. Наталья росла послушным и активным ребенком: «...сказали “уроки садись делать” – значит, я сажусь, сказали “иди музыкой заниматься” – значит, я пошла заниматься музыкой» [там же]. Несмотря на строгое воспитание, в детстве она не испытала тех ограничений, с которыми столкнулся ее товарищ по детским играм Андрей Попков. В послевоенное время дочь председателя Ленгорт-

⁵ Петр Георгиевич Лазутин (1905–1950) – в годы Великой Отечественной войны один из организаторов обороны Ленинграда; в 1946–1949 гг. занимал пост председателя Ленинградского городского исполнительного комитета депутатов трудящихся. Расстрелян по «Ленинградскому делу» 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

исполкома училась в обычной школе на Крестовском острове.

Доверительные отношения сложились у Натальи с отцом. Когда он работал дома, в выходной день или в праздники, всегда сосредоточенно что-то писал, много курил, бумаги лежали по всему столу, а домочадцы не смели его отвлекать. Чтобы накормить супруга обедом или ужином, Татьяна Ивановна подсылала к нему дочку: «Он очень хорошо всегда на меня реагировал, и я сразу же отвлекала его, залезала к нему на колени и что-то говорила; и в конце концов я у него спрашивала: “Может быть, ты хочешь чаю или покушать?”, в результате я выполняла мамино поручение... у меня страха, что папа сердитый, не было, это был мой папа, к которому я могла всегда прийти, в любое время» [там же]. Наталья помнит, что лишь раз была наказана отцом, когда, играя, «выложила дорожку из книг» [там же].

В Ленинграде встретил свою будущую супругу и преемник П. Г. Лазутина на посту председателя Ленгорисполкома – уроженец Тамбовской губернии – Андрей Алексеевич Кузнецов⁶ [46, л. 1–2], возглавивший Ленсовет в период фабрикация «Ленинградского дела». Его жена – Солодовникова Клавдия Максимовна – происходила из Пензенской губернии. В 1937 г. у пары родилась дочь Ирина, а спустя 8 лет, в 1945 г., – младшая Наталья [там же, л. 5 об. – 6].

И. Д. Дмитриев⁷ встретил свою будущую жену, уроженку Санкт-Петербурга, в городе на Неве. Екатерина Трофимовна окончила Педагогический институт им. Покровского в Ленинграде. Она, как и В. А. Соловьева и О. С. Харитоновна, до войны работала учителем [43, с. 150]. В семье родилось трое детей: старшая дочь Лия и двое сыновей: Виталий и Владимир⁸ [41].

В дальнейшем по мере служебного продвижения своих мужей их супруги вынуждены были оставить работу, несмотря на наличие высшего образования, а в ряде случаев и партийного билета, стали домохозяйками. Самостоятельная профессиональная деятельность жены руководителя высокого ранга могла привести к дополнительным проблемам: невольной дискредитации себя или мужа необдуманными высказываниями, поступками. Круг их общения был ограничен семьями, близкими по статусу.

⁶ Андрей Алексеевич Кузнецов (1903–1967) – в 1941–1949 гг. – директор Ижорского завода; в 1949–1950 гг. выполнял обязанности председателя Ленинградского горисполкома.

⁷ Иван Дмитриевич Дмитриев (1908–1968) – уроженец Санкт-Петербургской губернии, в годы войны возглавлял партизанское движение Лужского района; с 1948 г. – председатель Леноблисполкома. 18 октября 1951 г. осужден на 25 лет тюремного заключения. Реабилитирован.

⁸ Один из сыновей в дальнейшем женился на Людмиле Бадаевой, дочери Г. Ф. Бадаева.

Бытовая сфера

Жилье. Установить точные адреса места жительства глав региональных органов государственной власти – задача не из легких: в личных делах в графе «адрес» нередко стоит пропуск [45, л. 2]. Такие семьи в подавляющем большинстве проживали в просторных квартирах в исторической части Ленинграда, в Петроградском или Дзержинском (совр. – Центральный) районах. По адресу: Кронверкская улица, 29/37 в здании бывшего доходного дома, возведенного по проекту архитекторов Ю. Ю. Бенуа и Л. Н. Бенуа, с 1939 по 1950 гг. проживала семья Попковых [47]. Неподалеку, на Кронверкской, жили Соловьевы [48] и Дмитриевы. Улица Ленина, д. 15⁹ [44, л. 4 об.] – домашний адрес для семьи Харитоновых, на Чайковского, д. 33 жила семья Кузнецовых [49, л. 4 об.].

По ряду косвенных свидетельств можно заключить, что семьям председателей Ленгорисполкома 1940-х гг. в качестве служебного жилья мог выделяться даже целый дом на Каменном острове¹⁰. В частности, на это указывают материалы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), в которых значится, что катер для поездок П. С. Попкова на охоту подавался прямо к его дому, что невозможно было бы осуществить на Кронверкской [50, л. 27], в отличие от Каменного острова, омываемого Большой и Малой Невками, а также речкой Крестовкой.

Дочь П. Г. Лазутина с волнением вспоминала, что как-то раз на мероприятии в школе ей нужно было назвать адрес своего места жительства: «Помню, было очень неприятно..., я говорю: “Березовая ал., д. 7”, а квартиры нет, это дом. Это был такой ужас» [41]. Можно предположить, что имелся в виду адрес: 1-я Березовая аллея, д. 7 на территории парка «Тихий отдых», где в настоящее время располагается элитный жилой комплекс.

Обстановка в домах и квартирах была добротной, но казенной, мебель с инвентарными номерами, тем самым подчеркивался временный характер комфортабельного, но вместе с тем и безликого интерьера домов и квартир советской элиты. Сугубо личным имуществом были книги, награды и предметы одежды членов семей руководителей Ленинграда. Об этом свидетельствуют протоколы обысков [43, с. 189] и воспоминания детей: «У нас своего ничего не было. Все было обставлено государственной мебелью» [41].

После войны в пользование семей ленинградских руководителей были переданы трофейные холодильники и радиоприемники [51]. У Лазутиных было фортепиано, на котором Наталья обучалась музыке.

⁹ В настоящее время данный адрес отсутствует на карте.

¹⁰ Каменный остров – остров в дельте Невы в центре Санкт-Петербурга, в историческом районе, называемом Острова. В период с 1920 по 1989 г. именовался «островом Трудящихся».

Для служебных нужд выделялись трофейные автомобили, которые числились на балансе соответствующего районного совета или райкома [52, л. 45].

Робкие попытки супруг кастомизировать обезличенный быт, приобрести хоть какие-то вещи в личное владение наталкивались на решительное неприятие со стороны мужей, считавших такие расходы излишними, ведь государство их обеспечивало всем необходимым: «И когда мама заикалась: “Давай что-нибудь свое купим”, папа говорил: “Зачем? У тебя все есть”» [41].

Питание. Члены семей руководства Ленинграда вопреки распространенным мифам питались без изысков и гастрономических причуд, кардинально не отличаясь в этом отношении от рядовых граждан. По воспоминаниям детей домашнее повседневное меню состояло из незатейливых блюд: каш, супов, котлет с пюре, пирогов [51]. Э. И. Харитоновна вспоминала, что «...готовила мама сама на дровяной плите. Еда была простая, например винегрет» [40]. В некоторых семьях на Пасху ели куличи, но без религиозной подоплеки [51]. Сохранились свидетельства о том, что мать П. Г. Лазутина, Марина Федуловна, даже соблюдала пост [41].

Ключевое отличие системы питания элиты заключалось в ее достаточном обеспечении всеми необходимыми продуктами, вне дефицитов и ограничений. Дополнительными источниками снабжения выступали столовая для советского и партийного руководства, питание в которой было бесплатным вплоть до проведения денежной реформы 1947 г. [52, л. 42]. Помимо этого главы Горсовета сверх установленных лимитов и ассигнований на социально-бытовые нужды бесплатно получали питание и продукты [53, л. 19]. Столовые функционировали и при домах отдыха для советского и партийного актива и их семей (на Каменном острове и в Кавголово) [41].

На территории дома отдыха на Каменном острове после войны организовывались торжественные мероприятия ленинградского партийного актива, что ставилось им в вину в ходе разбирательств по «Ленинградскому делу». Банкеты с участием должностных лиц были частью корпоративной нормы, способствующей сплочению коллектива, о чем свидетельствовала организация банкетов не только на местах, но и в Москве, в Правительстве СССР и ЦК ВКП(б) в 1946–1949 гг. [23, с. 138]. В 1946 г. после вручения городу на Неве ордена Ленина в праздничном ужине, организованном на Каменном острове, принял участие даже «всесоюзный староста» М. И. Калинин [50, л. 48]. Следует отметить, что банкеты не были регулярными, а организовывались связи с крупными праздниками и памятными датами. В материалах КПК удалось обнаружить упоминание о 5 конкретных эпизодах в Ленинграде за период 1945–1949 гг.

Одежда. Говорить о наличии роскошной одежды или дорогих ювелирных украшений в семьях ленинградских руководителей вряд ли справедливо. Причиной тому видится отсутствие в психологии советского гражданина отношения к одежде как к фетишу, демонстрирующему социальный статус ее обладателя. Жены и дети из семей советских руководителей предпочитали быть как все, не выделяться: «... конечно, я [*Наталья Лазутина*] не ходила в рваном. У меня было пальтишко, из которого я уже выросла, но мне было в нем очень хорошо» [41]. Некоторые из них испытывали смущение за свое благополучие в тяжелые послевоенные годы: «в 1946–1947 гг. бедность была, мама сшила [*для Эллы Харитоновой*] 3 платья, но я стеснялась их носить» [40]. Наряду с этим некоторые советские и партийные работники послевоенного периода начинают следовать модным тенденциям, возникшим в США в 1930-е гг.: пальто и шляпы с отвернутыми полями стали носить П. С. Попков, П. Г. Лазутин, Я. Ф. Капустин¹¹ (рис. 4).

Рис. 4. Депутаты Верховного Совета СССР: второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустин (крайний слева), председатель Ленгорисполкома П. Г. Лазутин (второй слева) и другие перед отъездом в Москву, не ранее 1946 г. Фото автора на выставке Государственного музея политической истории России

К. Н. Соловьева вспоминала, что ее отец был равнодушен к одежде. После своего назначения в Крым на ответственную руководящую должность он был настолько занят работой, что у него не было времени сходить к портному, чтобы снять мерки для нового костюма [54].

В материалах КПК ЦК ВКП(б) не удалось обнаружить конкретные указания на наличие у представителей советского руководства или членов их семей ювелирных изделий, за исключением, пожалуй, лишь сведений о нескольких золотых часах, которые имелись на балансе Ленсовета и использовались в каче-

¹¹ Я. Ф. Капустин (1904–1950) – в 1940–1945 гг. – секретарь Ленинградского горкома ВКП(б); с января 1945 г. – 2-й секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Расстрелян по «Ленинградскому делу» 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

стве памятных подарков: одни из таких часов П.С. Попков по случаю дня рождения преподнес адмиралу В. Ф. Трибуцу [55, л. 63].

В изучаемый период в СССР эталоны красоты были продиктованы природной и общественной целесообразностью. Облик советской женщины-труженицы, женщины-матери должен был свидетельствовать о ее крепком здоровье и трудоспособности. Жены советской элиты, как и большинство советских женщин, одевались достаточно просто. Главными критериями при выборе одежды выступали удобство и опрятность.

Досуг

За напряженный труд на ответственном посту представители руководства получали широкие возможности для полноценного отдыха. Летний период семьи проводили на дачах. Одним из любимых мест был Карельский перешеек (совр. – Курортный район Санкт-Петербурга). Решение о выделении в пользование дач было принято после войны в 1945 г. на заседании бюро Ленинградского горкома ВКП(б) [52, л. 45]. В частности, в поселке Оллила¹² находились дачные участки сотрудников Ленгорисполкома, например, семьи Лазутиных. Поблизости, в Комарово¹³, находились дачи некоторых членов Ленобл-исполкома, например, И. С. Харитоновна [40]. Отдых на даче подразумевал прогулки по лесу, чтение, игры на свежем воздухе.

Еще одним видом досуга для советского и партийного актива, а также членов их семей могло стать посещение дома отдыха воскресного дня. В учреждении на Каменном острове, например, можно было посмотреть фильмы, пообедать или поужинать [41], хотя этой возможностью чаще других пользовались дети.

Семьи руководителей снабжались путевками в санатории, располагавшиеся на Черноморском побережье и на других курортах СССР. Тем не менее получали их нечасто: «Он [П. Г. Лазутин] за 13 или за 11 лет один раз был в отпуске. Мы ездили в Гагры в санаторий. И там он не смог отдыхать. Он договорился с директором санатория, взял косу и по утрам косил траву» [там же].

Медицинское обслуживание членов семей советского аппарата осуществлялось в «Свердловке» (совр. – Городская клиническая больница № 31) по адресу: пр. Динамо, д. 3 бывшего Ждановского района (совр. – Петроградского района). В период с 1932 по 1990 гг. больница им. Я. М. Свердлова обслуживала руководство Ленинграда и области, а также

членов их семей [56]. Здесь работали крупнейшие ученые и ведущие специалисты-медики города.

После войны на Карельском перешейке, на р. Свирь, было организовано «охотничье хозяйство» Ленгорисполкома, которое находилось на 102 км Выборгского шоссе [37, л. 31]. На р. Вуокса было создано специальное угодье для рыбной ловли [там же]. Документы свидетельствуют о том, что Я. Ф. Капустин свободное от служебных обязанностей время проводил на рыбалке, тогда как П. С. Попков и П. Г. Лазутин предпочитали охоту [там же, л. 30–31].

Несмотря на разнообразие вариантов для отдыха, ленинградские руководители отдыхали редко: «...я знаю его только работающим... он даже в выходные всегда что-то писал, ...работал без отпусков» [41]. Способность выдерживать столь напряженный график свидетельствовала о крепком здоровье и выносливости. Трудовое рвение советских руководителей подстегивал страх не оправдать высокого доверия, лишиться занимаемого поста и прилагавшихся к нему привилегий.

Казенная бытовая обстановка мало располагала к отдыху: даже на правительственных дачах советских работников стояли «вертушки» – телефонные аппараты закрытой правительственной телефонной связи. Упреки в сибаритстве звучали лишь в адрес П. С. Попкова: «...вы барином стали. Вы большущий барин...» [14, с. 85].

Служебный график практически не оставлял времени на общение с семьей: «мама отца всегда ждала, во сколько бы он ни пришел. ...папу надо было дожидаться, покормить ужином, уложить спать» [41]. Приятным исключением были редкие совместные походы в театр или на концерт. Общение отцов с детьми носило эпизодический характер, поэтому на первый план выходили развлечения. Иногда П. Г. Лазутин вместе с дочерью Натальей вместе пели русские народные песни. Любимой была песня «Летят утки» [там же]. Изредка ей даже удавалось уговорить отца помочь ей с подготовкой домашнего задания: «...вся школа приходила посмотреть, как председатель Ленгорисполкома нарисовал газету» [там же]. Петр Георгиевич по мере возможности следил за матчами футбольной команды «Зенит» и брал с собой на стадион Наталью. Э. И. Харитоновна вспоминала, как они с отцом читали книги. Особенно им нравились книги о животных. Илья Степанович даже купил для дочери книгу А. Брэма «Жизнь животных» [40]. Дети советских руководителей вспоминают и о посещении легендарного Музея обороны Ленинграда [51].

В заключение отметим, что семейная жизнь руководящих работников характеризовалась рядом отличий от жизни обычных советских семей. Она тяготела к патриархальному укладу, проявившемуся в доминирующей роли мужчины в качестве главы

¹² Солнечное (до 1948 г. – Оллила) – поселок в составе Курортного района Санкт-Петербурга.

¹³ Комарово (до 1948 г. – Келломяки) – поселок в составе Курортного района Санкт-Петербурга.

семьи и основного работника, в верном служении супруги своему мужу. Оценка детьми отношений между родителями как бесконфликтных может объясняться негласно подчиненным статусом жены номенклатурного работника, ориентированной прежде всего на поддержание стабильности и гармонии в доме. Более того, они мало времени проводили вместе, поэтому не имели возможности пресытиться этим общением. Характерно, что после реабилитации 1954 г. жены П. С. Попкова, П. Г. Лазутина, Н. В. Соловьева, И. С. Харитоновы, прошедшие через испытания лагерной жизни, повторно так и не вышли замуж, оставаясь преданными памяти покойных мужей. Очевидно, семейные пары ленинградских руководителей связывали глубокие человеческие чувства, в том числе и любовь...

Основные обязанности по воспитанию детей ложились на плечи женщин, проявлявших наряду с заботой требовательность и строгость. Модель воспитания подрастающего поколения в СССР была ориентирована на подготовку достойного члена общества, готового к любым испытаниям, и не предполагала открытой демонстрации чувств (любви, нежности, ласки). Дети Ленинградского руководства в разной степени осознавали особый статус своих семей, а их дружеские связи складывались преимущественно в среде детей советского и партийного руководства [41].

Члены семей советского руководства в 1945–1949 гг. пользовались особым статусом, который позволял им получать доступ к более благоприятным условиям для проживания, питания, отдыха, медицинского обслуживания. Наряду с этим, указанные ресурсы и возможности имели временный характер и были приложением к занимаемой должности.

Эмоциональный фон бытовой повседневности включал в себя такие высшие чувства и эмоции между супругами, как доверие, преданность, уважение, производные от одного из базовых человеческих чувств – любви. Плотское влечение не стояло на первом месте. Жена была, прежде всего, товарищем, спутником жизни. Любовь к детям для советского человека была сочетанием строгости и заботы, исключавшей сентиментальность. Однако общение детей со своими отцами неизменно приносило обеим сторонам подлинную радость. Родительские обязанности они реализовывали посредством обеспечения своих чад ресурсами, необходимыми для полноценного развития.

Нормативная повседневность не исключала и проявления отдельных негативных низших чувств в семьях советских руководителей, таких как раздражение, опасение и смущение. Раздражение могло возникать в результате внутрисемейного общения. Мужья могли негативно реагировать, если супруга

отвлекала его от служебных обязанностей, даже если поводом служило приглашение к столу. Опасение за благополучие семьи проявлялось у жен представительниц советской элиты и было связано со страхом утратить достаток и привилегии. Смущение перед сверстниками за высокое служебное положение своих отцов порой испытывали дети руководителей, тогда как сами советские работники к комфорту, который их окружал, относились как к заслуженному, хотя их главным приоритетом была работа.

Сложившийся уклад жизни был разрушен в 1949 г., когда началась фабрикация «Ленинградского дела». После арестов основных фигурантов члены их семей были выселены из просторных квартир, лишены прежних прав, из их пользования было изъято казенное имущество. П. С. Попков, П. Г. Лазутин, Н. В. Соловьев, И. С. Харитонов были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу в 1950 г. Вслед за ними их родственники подверглись репрессиям: жены и матери отправлены в лагеря, а дети – в колонии и детские дома... Разлука близких людей позволила многое переосмыслить. Оглядываясь назад, в 1952 г., И. Д. Дмитриев из Владимирской тюрьмы с горечью напишет своей жене Екатерине следующие строки: «Я был счастлив этой жизнью, счастлив тобой, детьми. Это потому, что я всегда любил тебя. Любил и детей, хотя и мало их лаская» [57].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Conquest R.* Power and Policy in the USSR : the Study of Soviet Dynasties / R. Conquest. – London ; Macmillan ; New York : St. Martin's Press, 1961. – 485 p.
2. *Hahn W.* Postwar Soviet Politics : the Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–53 / W. Hahn. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1982. – 242 p.
3. *Parrish M.* The Lesser Terror : Soviet State Security, 1939–1953 / M. Parrish. – Westport : Praeger, 1996. – 456 p.
4. *Кутузов В. А.* Ленинградское дело / В. А. Кутузов // Диалог. – 1987. – № 18. – С. 15–21.
5. *Кутузов В. А.* Ленинградское дело / В. А. Кутузов // Диалог. – 1987. – № 19. – С. 15–23.
6. *Афанасьев А.* Победитель / А. Афанасьев // Комсомольская правда. – 1988. – 15 янв.
7. О так называемом «Ленинградском деле» // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 2. – С. 127–128.
8. *Гармаш П. В.* Крыму / П. В. Гармаш // «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. – Л. : Лениздат, 1990. – С. 241–260.
9. *Демидов В. И.* «Ленинградское дело» : попытка реконструкции / В. И. Демидов // Звезда. – 1989. – № 1. – С. 144–145.
10. *Зимарина Н.* «Ленинградское дело» / Н. Зимарина // Аргументы и факты. – 1988. – 23 апр.
11. *Сидоровский Л.* Честное имя : жертвы «Ленинградского дела» – глазами родных, близких, строками документов / Л. Сидоровский // Смена. – 1988. – 24 июня.

12. Сидоровский Л. Честное имя : жертвы «Ленинградского дела» – глазами родных, близких, строками документов / Л. Сидоровский // Смена. – 1988. – 25 июля.
13. Сидоровский Л. Несколько страниц из «Ленинградского дела» / Л. Сидоровский // Аврора. – 1989. – № 4.
14. Демидов В. И. Ленинградское дело / В. И. Демидов, В. А. Кутузов. – Л. : Лениздат, 1990. – 413 с.
15. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. – 671 с.
16. Пихоя Р. Г. Советский Союз. История власти, 1945–1991 / Р. Г. Пихоя. – М. : РГАС, 1998. – 734 с.
17. Пыжиков А. В. Конфигурация и функционирование власти в СССР, 1945–1953 гг. / А. В. Пыжиков. – М. : Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 1999. – 357 с.
18. Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) / Е. Ю. Зубкова // Свободная мысль. – 1999. – № 4.
19. Городская власть Санкт-Петербурга : биохроника трех столетий / сост. Е. М. Балашов. – СПб. : ЛИК, 2007. – 528 с.
20. Хлевнюк О. В. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. – М. : РОССПЭН ; Фонд Б. Н. Ельцина, 2010. – 479 с.
21. Болдовский К. А. Аппарат Ленинградской городской партийной организации и его место в системе властных отношении в СССР, 1945–1953 гг. : автореф. дис. канд. ... ист. наук / К. А. Болдовский. – СПб., 2014. – 28 с.
22. Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «Ленинградского дела» / К. А. Болдовский. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 312 с.
23. Никонорова Т. Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры : дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Никонорова. – М., 2018. – 279 с.
24. Сушков А. В. «Ленинградское дело» : генеральная чистка «колыбели революции» / А. В. Сушков. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2018. – 182 с.
25. Brandenberger D. The Rise and Fall of a Crimean Party Boss : Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad Affair / D. Brandenberger, A. Amosova, N. Pivovarov // Europe-Asia Studies. – 2019. – Vol. 71. – P. 951–971.
26. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество : политика и повседневность, 1945–1953 гг. / Е. Ю. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 229 с.
27. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города : нормы и аномалии, 1920–1930 годы / Н. Б. Лебина. – СПб. : Журн. «Нева» : Летний Сад, 1999. – 316 с.
28. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей : советская повседневность : контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 442 с.
29. Твердюкова Е. Д. Антисервис : личный автомобиль и его техническое обслуживание... в СССР (1960-е – 1980-е гг.) / Е. Д. Твердюкова // Новейшая история России. – 2018. – № 8 (3). – С. 659–678.
30. Cohn E. The high title of a communist : Postwar Party discipline and the values of the soviet regime / E. Cohn. – Dekalb : Northern Illinois University Press, 2015. – 268 p.
31. Reid S. E. Everyday Aesthetics in the Khrushchev-Era Standard Apartment / S. E. Reid // Ethnofoor. – 2012. – Vol. 24 (2). – P. 78–105.
32. Schwartz J. S. Women under Socialism : Role Definitions of Soviet Women / J. S. Schwartz // Social Forces. – 1979. – Vol. 58 (1). – P. 67–88.
33. Reid S. E. Cold War in the Kitchen : Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev / S. E. Reid // Slavic Review. – 2002. – Vol. 61 (2). – P. 211–252.
34. Никонорова Т. Н. Конструируя роскошь : бытовое пространство советской номенклатуры, 1940–1952 годы / Т. Н. Никонорова // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2016. – № 43. – P. 219–242.
35. Сушков А. В. «Ленинградское дело». Привилегированная жизнь «ленинградских вождей» в первые послевоенные годы / А. В. Сушков // Свободная мысль. – 2018. – № 4 (1670). – С. 43–60.
36. Смирнов А. П. «Ленинградское дело» в судьбах детей / А. П. Смирнов // История Петербурга. – 2013. – № 2 (69). – С. 49–60.
37. Протокол № 121 заседаний бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 7, 8, 13, 17 сентября 1949 г. (подлинник) и материалы к протоколу // РГА-СПИ. – Ф. 589. – Оп. 5. – Д. 137. – 139 л.
38. Лебина Н. Б. Мужчина и женщина : тело, мода, культура. СССР – оттепель / Н. Б. Лебина. – СПб. : Новое литературное обозрение, 2015. – 203 с.
39. Личное дело Попкова Петра Сергеевича // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. – Ф. 7384. – Оп. 34. – Д. 1783. – 29 л.
40. Интервью с Э. И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Личный архив автора.
41. Интервью с Н. П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Личный архив автора.
42. Личное дело Соловьева Николая Васильевича // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). – Д. 1728. – Оп. 1. – Д. 220193/1. – 32 л.
43. Судьбы людей : «Ленинградское дело» / сост. А. П. Смирнов. – СПб. : ФГУК ГМПИР, 2009. – 206 с.
44. Личное дело Харитонova Ильи Степановича // ЦГАИПД СПб. – Ф. 1728. – Оп. 1. – Д. 311298/4. – 43 л.
45. Личное дело Лазутина Петра Георгиевича // ЦГАИПД СПб. – Ф. 1728. – Оп. 1. – Д. 196640. – 28 л.
46. Личное дело Кузнецова Андрея Алексеевича // ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 93. – Д. 865. – 13 л.
47. Мемориальная доска памяти П. С. Попкова // Оборона и блокада Ленинграда. – URL: <http://www.blokadamuseum.ru/resursy/mesta-pamyati/memorialy-i->

ramyatniki/in-memory-of-popkov/ (дата обращения: 21.04.2020).

48. Мемориальная доска памяти Н. В. Соловьева // Оборона и блокада Ленинграда. – URL: <http://www.blokadamuseum.ru/resursy/mesta-ramyati/memorialy-i-ramyatniki/in-memory-of-solovyov/> (дата обращения: 21.04.2020).

49. Личное дело : Кузнецов Андрей Алексеевич // ЦГАИПД. – Ф. 1728. – Оп. 1. – Д. 825805/2. – 9 л.

50. Протокол № 213 заседаний бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 4, 6, 7 марта 1952 г. (подлинник) и материалы к протоколу // РГАСПИ. – Ф. 589. – Оп. 5. – Д. 229. – 265 л.

51. Интервью автора с Г. Ф. Михеевым и Т. А. Михеевой 10 октября 2018 г. // Личный архив автора.

52. Протокол № 117 заседаний бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 1, 9 августа 1949 г. (подлинник) и материалы к протоколу // РГАСПИ. – Ф. 589. – Оп. 5. – Д. 133. – 107 л.

53. Протокол № 139 заседаний бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 16, 17, 23 марта 1950 г. (подлинник) и материалы к протоколу // РГАСПИ. – Ф. 589. – Оп. 5. – Д. 155. – 112 л.

54. Из личных бесед А. А. Амосовой с К. Н. Соловьевой, 2017–2018 гг.

55. Протокол № 123 заседаний бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 5, 7, 8, 10, 12, 13 октября 1949 г. (подлинник) и материалы к протоколу // РГАСПИ. – Ф. 589. – Оп. 5. – Д. 139. – 124 л.

56. История больницы // Официальный сайт городской клинической больницы № 31. – URL: <https://www.spbsverdlovka.ru/about/history.html> (дата обращения: 21.04.2020).

57. Письмо И. Д. Дмитриева жене Е. Т. Дмитриевой из тюрьмы. Владимир. 1952 г. // Фонды Государственного музея политической истории России.

*Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет
Амосова А. А., кандидат исторических наук, доцент
E-mail: a.amosova@spbu.ru*

*Institute of History, Saint-Petersburg State University
Amosova A. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: a.amosova@spbu.ru*